Миф и человек ч.2

Однако самые шокирующие изменения были внесены в образ , Леонардо в начале нашего века, когда художник попал под тяжелый пресс критического, без каких-либо следов юмора, анализа Зигмунда Фрейда. Работая с тем материалом, который он принимал за исторические факты, Фрейд в 1910 году написал блистательное эссе «Леонардо да Винчи. Воспоминания его детства». В нем он высказал догадку, что Леонардо, в первые годы своей жизни остро ощущавший отсутствие отца, оказался в эротических отношениях со своей матерью, крестьянкой Катериной, а позже, когда был взят в дом отца, сделался объектом чрезвычайной привязанности своей бездетной приемной матери. Фрейд придавал очень большое значение детскому сну, или фантазии, пересказанной самим художником, в которой говорилось об эротической встрече с огромной птицей, опустившейся на колыбель ребенка. Сопоставив эту фантазию Леонардо со следующей его записью: «Акт воспроизводства (и все, что имеет к нему отношение) столь отвратителен, что человеческие существа очень скоро бы вымерли, если бы не обладали при этом приятными лицами и расположением к чувственности», — Фрейд пришел к заключению, что, по всей вероятности, Леонардо был скрытым гомосексуалистом, который сублимировал свои наклонности в преувеличенной погоне за знаниями.

В своих рассуждениях Фрейд совершил ошибку, удивительную для ученого: он черпал свой материал из широко известной книги Дмитрия Мережковского «Леонардо да Винчи», работы откровенно художественной. В дополнение к этому Фрейд пользовался неточным переводом записок Леонардо, в котором птица из его детской фантазии называлась ястребом. Опираясь на неправильный перевод, Фрейд втянулся в продолжительную, сложную дискуссию о древнеегипетских сексуально-религиозных обычаях, связанных с ястребами. После замечания о том, что египтяне поклонялись ястребиноголовой богине-матери по имени Мут, Фрейд торжественно восклицал: «Мы можем спросить, является ли такая звуковая близость к нашему слову «мать» (Mutter) просто случайной

Между тем правильный перевод названия птицы — не «ястреб», а «коршун». Это птица из семейства хищных, широко распространенная в Европе. Таким образом рассуждения Фрейда о ястребах становятся совершенно неуместными. Более того, Фрейд не имел представления о правильной хронологии работ Леонардо и поэтому сделал несколько грубых промахов, стараясь соотнести собственные психологические наблюдения с обсуждаемыми произведениями искусства.

Сам Фрейд очень сомневался в абсолютной ценности своего эссе, «Я бы не хотел, чтобы о точности наших результатов судили по этому примеру», — писал он позже. Если бы он сейчас был жив, то скорее всего или изъясил бы свое эссе из обращения, или в значительной степени переработал его. Оно многократно подвергалось нападкам и пренебрежительно оценивалось позднейшими исследователями, психиатрами, психоаналитиками и историками искусства, что в значительной мере справедливо. Однако некоторые разделы анализа Фрейда остаются ценным вкладом в исследование творчества Леонардо. Замечательно, что Фрейд побудил других взглянуть на сложного, во многом таинственного гения как на живого человека, совершающего ошибки и подверженного комплексам в той же мере, как и все прочие люди.

Моментальной реакцией на критику Леонардо стало чувство глубокого облегчения, особенно среди художников. «[Мона Лиза](#)» из луврской святыни превратилась в объект самых изощренных сатирических нападков. Марсель Дюшан, известный в те времена ниспровергатель святынь мирового искусства, поместил на выставке копию «Моны Лизы» с бородой и усами, Одновременно с этим был разрушен идеализированный, неземной образ Леонардо, Появилась возможность взглянуть на него непредвзято. Всем сразу же захотелось внимательно исследовать многие проблемы и получить ясный ответ от самого Леонардо на многие вопросы. Каково, например, было его отношение к вере — и был ли он верующим? Визари, его биограф, пишет об этом несколько туманно. В первом издании «Жизнеописаний», опубликованном в 1550 году, он утверждал, что «у Леонардо был настолько еретический склад ума, что он не исповедовал ни одной религии и верил, что, наверное, лучше быть философом, чем христианином». Во втором издании (1568) Вазари опускает эту фразу и рисует читателю картину лежащего на смертном одре старика: «Он пожелал приобщиться к таинствам католической церкви и святой христианской веры. Исповедавшись и покаявшись с великими стенаниями, он благоговейно принял причастие».

Фраза о еретическом складе ума была выброшена потому, что Визари всеми силами стремился создать возвышенный образ Леонардо. Однако более наглядным свидетельством веры мастера служит его завещание, в котором он досконально оговаривает условия своих похорон по христианскому обряду. Следует отслужить, указывает он, три большие мессы и тридцать малых в четырех церквях; процессия монахов и плакальщиков с факелами и свечами в руках должна освещать его последний путь (сорок фунтов — около восемнадцати килограммов — воска на свечи, согласно его распоряжениям). По контрасту с этими распоряжениями в одном из своих «пророчеств», или загадок, он писал: «О мертвых, которых собираются хоронить. Простой народ понесет великое множество огней для освещения пути тех, кто полностью утратил способность видеть. О человеческая глупость! О безумие человеческое!» Можно предположить также, что он с презрением относился к злоупотреблениям церкви и был своего рода предтечей Реформации. (В 1517 году, когда Леонардо находился в Амбуазе, Мартин Лютер прибил свои девяносто пять тезисов к дверям Виттенбергского собора, однако маловероятно, что Леонардо хоть что-нибудь о них слышал.)

Тем не менее нет никаких причин предполагать, что Леонардо был атеистом. Имя Создателя появляется в его писаниях довольно часто; это означает, что он имел хотя и неопределенное, но все же стойкое представление о божественной власти. Если бы он пожелал быть точным в этом вопросе (как он бывал точен во многих других), ничто бы не помешало ему это сделать. Однако он продолжал молчать. Размышляя о смерти, он записал весьма лиричный пассаж. Возможно, именно такие мысли приходили ему на ум, когда конец был близок:

«Смотри: некто надеется и жаждет вернуться к своим истокам, на свою родину — он как мотылек, который летит на свет, Человек всегда испытывает влечение с веселым любопытством встретить новую весну, новое лето и вообще много новых месяцев и годов, — но даже если время, по которому он так тоскует, когда-нибудь наступит, ему всегда будет казаться, что уже слишком поздно: он и не заметил, что его влечение содержит внутри себя зародыш его собственной смерти. Однако это влечение — квинтэссенция, дух всех элементов, который через душу

проникает в человеческое тело и постоянно жаждет вернуться к своим истокам. Ты должен знать, что эта самая тоска — квинтэссенция жизни, служанка Природы и что Человек — это слепок мира».

Во взглядах Леонардо на насилие и деспотизм наблюдается некая странная двойственность. Нельзя сомневаться в его мягкости и благоговейном отношении к жизни; однако одновременно он мог изобретать самые ужасные, можно сказать, дьявольские виды оружия — и рисовать их так блистательно и красиво, что его эскизы превращались в произведения искусства. Глядя на его оборудованные косами колесницы и огромную пушку, почти забываешь, что это орудия убийства. Можно с достаточной легкостью и убедительностью рассуждать о жестокости, царящей в те времена, о необходимости для Леонардо служить своим господам и о его любви к свободе. Тема свободы постоянно варьируется в его записках: «Когда меня осаждают одержимые гордыней тираны, я нахожу средства защиты и нападения, чтобы сохранить главный дар Природы — свободу». Тем не менее Леонардо добровольно поступил на службу самого жестокого тирана тех времен Чезаре Борджиа, главной целью которого было как раз отнимать свободу у других. Бесплезно спрашивать, почему Леонардо взялся за столь несовместную, по-видимому, с его натурой деятельность: это лишь еще один аспект той великой загадки, какой был этот человек.

Леонардо большую часть жизни заботился о заработке, хотя, по-видимому, он никогда не испытывал крайней нужды и временам даже вполне преуспевал. Тем не менее что-то заставляло его вести самые мелочные подсчеты своих домашних расходов: рядом с каким-нибудь очаровательным рисунком или записанной на клочке бумаги глубокой мыслью можно найти запись расходов на горшки или кастрюли. Когда он рисовал «Тайную вечерю», то не делал датированных записей о работе, о ее продвижении вперед или о своих чувствах по этому поводу — вместо этого он фиксировал то, что, должно быть, имело для него большое значение, а нами воспринимается как приходно-расходная книга какого-нибудь узколобого торговца: «В понедельник я приобрел одежды на 13 лир и 14,5 сольди. 17-й день октября 1497 года». Известен аскетизм Леонардо; в его тетрадях немало глубокомысленных замечаний наподобие следующих: «Страсть ума прогоняет чувственную страсть... Вино хорошо за столом, но вода предпочтительнее... Маленькие комнаты или дома направляют ум на правильный путь, большие заставляют его блуждать... Кто не может обуздать свои похотливые желания, ставит себя на один уровень с животными... Если ты желаешь иметь деньги без счета, то кончишь тем, что перестанешь ими наслаждаться...» В противоречие с этими высказываниями вступают оптимистичные проекты добывания огромного богатства — например, путем дележа добычи еще не захваченного турецкого флота или изобретения машины (так и не построенной) для производства игл — со всеми радостями, которые это богатство принесет. В явном противоречии с этим — следующая запись: «Того, кто мечтает за день разбогатеть, через год ожидает виселица».